
К МЕТОДОЛОГИИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ОТРАСЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

Что такое «гражданская психология»? Часто даже в научных трудах, в суждениях о психологии мы сталкиваемся с наивным реализмом, с которым подавляющее большинство людей всю свою жизнь относится к окружающему миру, даже если им и довелось научиться отличать субъективные переживания от результатов непосредственного контакта с предметами внешнего мира.

Для простого, не искушенного в теориях человека, реальность — это то, что он чувствует и ощущает. Реальное существование окружающих вещей кажется ему столь же несомненным, как и чувство страдания, удовольствия или надежды. Возможно, он встречался с тем, что его ощущения могут приводить к сомнительным или даже крайне ошибочным суждениям о действительных фактах. Однако эта информация осознается им всего лишь как забавное исключение, любопытный курьез. Но это не курьез, а сама реальность. Если одним небо ощущается как голубое, а трава — как зеленая, то это совсем не значит, что они таковыми являются и для другого. Мы с вами не можем построить объективное суждение о любом предмете, если не введем в него какой-то независимый, эталонный объект.

Проблема возникновения объективного знания из чувственных ощущений существует очень давно, ее сформулировал еще Платон². В этой связи вспоминается трактовка этой проблемы Кантом в «Критике чистого разума». Он писал, что посредством чувственности предметы нам даются, и только она доставляет нам созерцания, «мыслятся же предметы рассудком, и из рассудка возникают понятия»³. Знание не всецело определяется опытом (апостериорно), так как зависит и от структуры нашего созна-

¹ Статья была опубликована в журнале «Вестник политической психологии». СПб, № 1(2), 2002.

² Асмус В. Ф. Платон. М., 1969.

³ Асмус В. Ф. Диалектика Канта. М., 1930.

ния (априорно). В число априорных представлений входят пространство, время, душа и другие категории. В любом случае, когда мы говорим о причинности, то оказываемся в системе априорного знания, которое регулирует наше понимание.

Не буду останавливаться на философской дискуссии Бертрانا Рассела с Кантом о познаваемости «вещей в себе»¹, так как, строго говоря, мы не имеем никакого независимого способа, который позволит нам убедиться в существовании внешних источников впечатлений. Вместе с тем мы не можем отрицать того, что свои собственные чувственные впечатления и те модификации, то априорное знание, в которое они превращаются, человек может формулировать в виде утверждений, законов, имеющих силу для понимания всеми остальными людьми.

Каково же мнение психологов или вообще ученых о проблеме реальности? Я глубоко убежден, что большинство из них не станет ломать голову над философскими нюансами. Проводя наблюдения или исследования, они пользуются привычным для них инструментарием и специфическим языком, какой водится в любой отрасли знания. Однако стоит им начать теоретизировать или интерпретировать полученные результаты, как они вынуждены переходить на новый уровень абстракции. Особенно явно это наблюдается в естественных науках. Уже в механике Ньютона — первой физической теории в современном понимании — появились понятия вроде силы, массы, энергии, которых не было в обыденном представлении. И эта тенденция стремительно развивалась. Например, Максвелл с его концепцией поля и уравнениями. То же происходило в биологии: вводились такие категории, как класс, род, вид, и на их базе создавались зоологические и ботанические таксономии². И в химии появилась таксономия в виде периодической системы элементов Менделеева, совершенно чуждой миру непосредственно ощущаемых вещей. Иначе говоря, некая априорная формализация начинает жить задолго до того, как ей находят словесную интерпретацию на обычном языке.

Когда начинается словесная интерпретация, тогда и начинаются бесконечные споры. Причем споры терминологического характера. Слово, используемое как символ, может применяться в самых различных областях знания, и в каждой из них может

¹ Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957.

² Таксономия (греч. *taxis* — расположение, строй, порядок и *nomos* — имя, закон) — теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности (органический мир, геология, химия, языкознание и т. п.); сложность строения мира (отсутствие ясных границ между таксонами) порождает необходимость оперировать огромным множеством признаков и свойств. Для упорядочения знаний в любых отраслях человеческой деятельности с середины XX века развиваются численные, или так называемые «нумерические таксономии», примером которых может служить периодическая система элементов Менделеева или таксономия педагогических целей Б. Блума. [См.: Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1963; БЭС. СПб., 2000; БСЭ. Изд. 3-е. Т. 25.]

быть своя трактовка его значения. К примеру, слово «индукция». Этимологически этот термин происходит от латинского «inductio» — возбуждение. В электрофизике и в физиологии этот термин именно в таком смысле и применяется, в математике и логике «индукция» уже имеет значение выведения общего из частного, а в латинском словаре для юристов³ «индукция» трактуется уже как аннулирование, вычеркивание, в поэзии — как влечение. А ведь нами взят один из сугубо специальных, небытовых терминов, призванный корректно отражать понятие. Очевидно, что пока представители разных отраслей знания не формализуют этот термин, т. е. пока это слово не будет иметь для всех одно и то же значение, они никогда ни о чем не договорятся.

Именно по пути формализации движется наука! Собственно, ни в химии, ни в физике, ни в биологии, ни в психологии формализация не является самоцелью, в отличие от чистой математики. Однако формулы в науке (определения, выраженные в краткой форме) — это символы некоей реальности, не доступные бытовому опыту. Это априорный базис для систематизации научного знания и построения концепций и теорий.

К постановке проблемы, касающейся разработки «гражданской психологии» как самостоятельного предмета исследования, я намерен подойти с помощью рассуждений, принятых в естественных науках. Философские системы являются источником незначительно малой части естественнонаучных методов. Эти методы именно потому и были развиты, что традиционное мышление философов оказалось непригодным. Сила естественнонаучных методов познания видна уже из того факта, что они оказались успешными и привели к открытию новых, нередко совершенно неожиданных явлений. Хотя принципы рассуждений естественников и не выведены непосредственно из опыта, а являются результатами творчества мыслителей, они испытаны в чрезвычайно обширной экспериментальной области. Рассмотрим некоторые из естественнонаучных методов рассуждений.

Фундаментальный принцип научного мышления — «принцип применимости, разрешимости», сформулированный еще М. Борном⁴. Он заключается в том, что некоторое понятие используется лишь тогда, когда возникает возможность разрешить какое-либо противоречие и можно доказать, что оно применимо в конкретном случае, что есть прецедент такой применимости.

Когда физики встретились с очевидно непреодолимыми трудностями в электродинамике, Эйнштейн обнаружил, что эти трудности могут быть сведены к предположению,

³ Скорина Л. П., Чуракова Л. П. Латинский словарь для юристов. М., 1998.

⁴ Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1957.

что понятие одновременности событий в различных системах отсчета имеет абсолютный смысл. Он показал, что это предположение не соблюдается в силу того факта, что скорость света, используемая для обмена сигналами, конечна. С помощью физических средств можно установить лишь относительную одновременность. Эта идея привела к появлению теории относительности и новой доктрины пространства-времени¹.

Много раньше Н. И. Лобачевским² и К. Гауссом³ было сформулировано представление о возможности построения неевклидовой геометрии. Б. Риман, последователь Гаусса, математически разработал идею об искривленном пространстве⁴. Применимость этой идеи стала очевидной в общей теории относительности, основным математическим аппаратом которой оказалась упомянутая выше риманова геометрия, примененная в данном случае к четырехмерному пространству — комбинации обычного пространства и времени.

Принцип «применимости» или, по Борну, «разрешимости» очевиден и в человеческом знании. Стоит лишь вспомнить идеи И. М. Сеченова в его «Рефлексах головного мозга»⁵, идеи И. П. Павлова в его предположении и последующем доказательстве идентичности первой и второй сигнальных систем⁶.

Вторым необходимым принципом научного мышления можно назвать «принцип объективизации». Например, расстояние, обозначенное вами словом «недалеко», и мое представление об этом «недалеко» невозможно сопоставить, пока не будет введен некий объект, эталон, с которым можно сравнить ваше и мое «недалеко». Попытка достичь соглашения об одиночном чувственном впечатлении абсурдна, и это очевидно для всех. Но когда суждение объективировано, например, при сравнении двух предметов, доступных объективной проверке, то уже можно говорить о сравнимости суждений или утверждений. (Например, отношения «равенство — неравенство», «больше — меньше», «ярче — темнее».) В физике этот принцип хорошо известен и систематически применяется. Цвета, звуки и даже формы рассматриваются не поодиночке, а парами.

Тот факт, что объективные утверждения становятся возможными путем сравнения, чрезвычайно важен! Именно в сравнении истоки наиболее мощного интеллектуального инструмента — математики. Символы, широко применимые в математике и в

¹ Эйнштейн и современная физика. Сб. памяти А. Эйнштейна. М., 1956.

² Лобачевский Н. И. Избранные труды по геометрии. М.; Л., 1956.

³ Карл Фридрих Гаусс. Сб. статей. М., 1956.

⁴ Клейн Ф. Лекции о развитии математики в XIX столетии. М.; Л., 1937.

⁵ Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1952.

⁶ Павлов И. П. Избранные труды. М., 1957.

физике, а сегодня и в психологии, — необходимый инструмент для адекватного понимания априорного знания всеми участниками обсуждений. Именно символы являются носителями объективной информации при сообщении между индивидами и имеют решающее значение для обеспечения возможности объективного знания.

Когда ребенок учится говорить, он учится соотносить слова и предложения с вещами, личностями, действиями, восприятиями. Письмо есть соотнесение видимых символов с определенными явлениями или соответствующими словами. Счет есть соотнесение выученных наизусть чисел 1, 2, 3... с последовательностью в чем-то сходных вещей. В современной математике этот принцип распространен на бесконечное множество объектов в так называемой теории множеств. Великолепным примером соотнесения понятий являются открытые Пифагором соответствия музыкальных интервалов (октавы, квинты, кварты и т. д.) числовым отношениям длин звучащей струны (2:1, 3:2, 4:3 и т. д.). Это открытие показало, что в действительности возможно парное соответствие между слуховым, зрительным, мышечным восприятием и числами⁷.

Химия соотносит вещества с комбинациями символов, представляющих собой сокращенные обозначения названий элементарных субстанций. Соотнося атомные веса с символами элементов, можно узнать молекулярные веса — по комбинациям атомных символов для данной молекулы, а соотнесение валентности с символами атомов дает возможность предсказывать химические реакции. Позднее этот элементарный метод описания химической связи сделался составной частью общей атомной теории.

Указанное нами соответствие чувственных восприятий и символов устанавливается в любой области человеческой деятельности. Для нужд обыденной жизни этого достаточно: слова и выражения языка, высказанные или написанные, соответствующие ощущениям, эмоциям и т. п., запоминаются и используются без дальнейшего углубленного анализа (наивный реализм). Именно таким образом отображение мира формируется в сознании обычного человека, а художественная литература подает все это в изящной форме.

В науке необходимо точное, тождественное восприятие информации, передаваемой как в письменной, так и в устной форме. Нужна таксономия, сутью которой является однозначный для всех участников обмена информацией символ (слово, термин), соотнесенный с заданными качественными и количественными характеристиками, т. е. возможность тождественной коммуникации. Отсюда третьим принципом научного мышления является «принцип коммуникативности».

⁷ Дымник М. А. Очерк истории философии классической Греции. М., 1936.

Формально-логическое мышление представляет собой возможность обнаружения и исследования структур абстрактного мышления. Эти структуры зашифрованы в виде символов. Простейшим видом формально-логического представления абстрактной структуры является ряд целых чисел: 1, 2, 3... Более сложны для восприятия степенные и логарифмические ряды, состоящие из символов, которые можно комбинировать по определенным правилам. Правила эти определяют огромное число структур абстрактного мышления. Например, геометрия оперирует пространственными структурами. Теория групп — структурами, возникающими при повторяемости определенных операций перестановки (букв и др.) или операций симметрии наподобие вращений, зеркальных отображений и др.

Приведенные примеры являются образцами абстрактного мышления. Переход к реальности совершается естественнонаучными и гуманитарными теориями, которые соотносят абстрактно-логические структуры с наблюдаемыми явлениями. Там, где это может быть сделано, абстрактная структура, зашифрованная в формально-логическом виде — в виде математических символов, соотносится с реальным явлением (факторный, кластерный, корреляционный анализы). Причем, как правило, уже сами эти структуры рассматриваются исследователями как объективная реальность. Суть в том, что они позволяют осуществлять непосредственную связь с результатами экспериментирования на обычных объектах повседневной жизни. В психологии примером этого является логарифмическая зависимость силы ощущения от физической интенсивности раздражителя (закон Вебера—Фехнера для среднего участка воспринимаемых значений раздражителя) или степенная зависимость (закон Стивенса).

Четвертый принцип естественнонаучной методологии известен давно и связан с воспроизводимостью как теоретических построений (в виде чувственно-логических, формально-логических и формально-абстрактных представлений), так и экспериментальных результатов. Этот принцип можно назвать «принципом контролируемости».

На определенном этапе развития в естественнонаучном знании возникло убеждение, что чувственно-логические модели, связанные с чувственными образами (например, представление об атоме как о большом шарике-ядре, окруженном маленькими шариками-электронами), не только не являются необходимыми, но даже мешают прогрессу. Первым выдающимся примером отказа от чувственных образов явилось открытие Генрихом Герцем существования электромагнитных волн¹. Он считал поле самостоятельной сущностью, описывать которую следует без чувственно-логических,

¹ Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи. М., 1959.

механических моделей. С тех пор развитие естествознания неодолимо идет в этом направлении. Явления природы, к которым относится и психическая реальность, нет необходимости сводить к моделям, доступным нашему чувственно-логическому воображению и объяснимым на языке механики. Явления имеют свою собственную абстрактно-логическую структуру, непосредственно выводимую из опыта. Таким образом, наука обрела свободу, необходимую для усвоения все возрастающего количества наблюдений и измерений. Но о «чистом» абстрактно-логическом представлении психических явлений говорить преждевременно: у нас еще нет достаточной эмпирической базы для построения теорий, которые бы априорно соответствовали вышеназванным естественнонаучным принципам, нам нужно накопить необходимый опыт в чувственно-логическом и формально-логическом познании.

Переходя к непосредственной постановке проблемы становления нового научного направления, каковым может стать «гражданская психология», я хотел бы напомнить, что индивидуальное чувственное впечатление некоммуникабельно, а следовательно, чисто субъективно. Кто не испытал этого на себе в дискуссиях, наверняка будет считать рассуждения о принципах применимости, объективизации, коммуникативности и контролируемости в науке голой софистикой. В определенном смысле это справедливо. Ибо наивный реализм является очевидной позицией, соответствующей с биологической точки зрения естественному месту человека в природе. И если ограничиться обыденными представлениями повседневной жизни, то проблема научности выглядит надуманной.

В психологии, к сожалению, вплоть до настоящего времени понятие «гражданин» не рассматривалось во всем его многообразии. В психологической литературе специально не выделен предмет рассмотрения таких категорий, которые относятся к сущности понимания психологии гражданина. Даже беглый обзор исследований таких категорий, как «долг» (изучает деонтология), «добро» (аксиология), показывает отсутствие четкой таксономии.

Практически во всех дисциплинах, в которых рассматривается человек как гражданин, отсутствует точная и ясная таксономия, доступная даже для весьма образованного человека.

Как же трактуется понятие «гражданин»?

По толковому словарю Ожегова, «гражданин» есть лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей².

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Обратимся непосредственно к отраслям человекознания, в которых в большей или меньшей степени, но непосредственно рассматривается суть понятия «гражданин». Среди них:

- юриспруденция занимает доминирующую роль в регулировании отношений гражданина и государства, для большинства людей этой областью знания и ограничивается их представление о «гражданине»;
- экономика отражает материальное положение гражданина, определяет характер обмена, распределения и потребления результатов человеческой деятельности и материальных ресурсов государства;
- политика до последнего времени эксплуатирует понятие «гражданин» как некий символ в публичной агитации и пропаганде, оперируя этим понятием на уровне наивного реализма.

Во всех трех дисциплинах при формулировании юридических, экономических и политических характеристик «гражданина» и его отношений с окружающим миром прямо или косвенно присутствует понятие «справедливость». Это понятие является основополагающим в конструировании определений, суждений, постулатов, положений, регулирующих все гражданские отношения. Приведу в пример типичные дефиниции категории «справедливость», из которых становится очевидным, что на уровне требований наукознания понятие «справедливость» никто конкретно не рассматривает. Оказывается, вообще не существует специальных исследований, изучающих данную категорию. Хотя для понимания психологии гражданина в части отношений государства и гражданина и граждан между собой она является исключительно значимой, просто архиважной. Особенно поражает тот факт, что понятие «справедливость» совсем не рассматривается в психологии! Ни в психологических словарях, ни в учебниках по психологии нет определений данного понятия.

В энциклопедической трактовке «справедливость — это категория морально-правового и социально-политического сознания. Понятие о «должном», связанное с представлениями о неотъемлемых правах человека, содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость»¹.

¹ Большой энциклопедический словарь. СПб., 2000.

В категориях этики² «справедливость» — понятие морального сознания, выражающее не ту или иную ценность, благо, а их общее соотношение между собой и конкретное распределение между индивидами; должный порядок человеческого общежития, соответствующий представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах. В отличие от более абстрактных понятий «добро» и «зло», с помощью которых дается моральная оценка определенным явлениям в целом, справедливость характеризует соотношение нескольких явлений с точки зрения распределения блага и зла между людьми.

В приведенных описаниях используются недопустимые в естественнонаучном знании очень широкие обобщения (до бытового уровня), метафоры, синонимия, омонимия, не отвечающие основным научным принципам. Рассуждения ведутся на уровне наивной логики, т. е. в полном несоответствии со строгими научными требованиями. В этих суждениях очевидно отсутствие научной методологической базы. Ни юриспруденция, ни экономика, ни политика не имеют строгой таксономии, а следовательно, их положения, регулирующие жизнь каждого гражданина, не поддаются научному анализу и не подлежат формально-логическому описанию. Их суждения ближе к искусству оперирования знаниями, умению вести рассуждения обо всем и ни о чем. Это позволяет на конце каждого закона, нормы, положения «прицепить» толкователя, чиновника или судью. И естественно, собственно гражданин оказывается в неведении относительно большинства своих прав и обязанностей.

В искусстве, как и в науке, присутствует обращение к абстракции и к символизму. Их можно наблюдать не только в документах, регламентирующих жизнедеятельность гражданина, но и в поэзии, в абстрактной живописи. Однако параллелизм между абстракцией в искусстве и в науке — всего лишь кажущийся.

Юристы, экономисты и художники-модернисты избегают четких ассоциаций и интеллектуальных интерпретаций. Они сосредоточиваются на эффектах чувственного восприятия. Наука же должна использовать чувственные восприятия в качестве материала для конструирования интеллектуального мира. Слово «абстракция» в обоих случаях употребляется с противоположными значениями. Конечно, ученые должны помнить, что опыт базируется на ощущениях, на чувствах. Теоретик, ушедший в свои абстрактно-логические, чисто формальные конструкции и забывший о явлениях, которые он собирался объяснять, — это уже не настоящий ученый. Но и чувственно-логическое описание, насыщенное не формально-логическими, а чисто художественными абстракциями, не может быть корректным с естественнонаучной точки зрения.

² Словарь по этике. М., 1989.

Каковы же чувства, ощущения человека как гражданина? Как они становятся реальностью, регулирующей его поведение и его отношения? Каков механизм формирования мироощущения человека как представителя конкретного государства, конкретного этноса? Как он становится представителем конкретной общности, а в нашем случае — гражданином конкретного государства? Иными словами: как у человека формируется гражданская психология? Попробуем рассмотреть модель адаптации человека социального и человека биологического к условиям окружающей среды, включая общение, усвоение норм и правил поведения, усвоение своих гражданских прав и обязанностей. Попробуем вскрыть механизмы влияния этноса на становление личности и соотнесение этнических ценностей с представлениями о гражданственности. И уже на основании первичных, базовых моделей рассмотрим, что такое гражданин с политической и научной точек зрения. Другими словами, попробуем построить несколько чувственно-логических моделей становления человека как гражданина и вывести из первичной формализации подходы к дальнейшим исследованиям гражданской психологии человека.

Для методологически корректного построения теоретических основ «гражданской психологии» необходимо определиться с базовыми, элементарными категориями, априорно засвидетельствованными в естественнонаучных исследованиях. Начнем с рефлексов головного мозга (И. М. Сеченов) и механизма формирования второй сигнальной системы (И. П. Павлов).

Первая сигнальная система есть у всех животных, включая человека. Собственно, она является первичным мироощущением. Любая биологическая особь имеет некоторый набор анализаторов, которые позволяют ей ориентироваться в окружающем мире. Человек имеет зрительный, слуховой, обонятельный и другие анализаторы. Но, в отличие от многих биологических существ, у человека нет готовых генетических программ различения информации. Даже такие очевидные для наивного реализма ощущения, как цвет, форма, вкус, не различаются новорожденным. Этим ощущениям он обучается уже после рождения. Генетически в человеке заложены только два вида экстерорецептивных (внешних) ощущений — тактильные и термические, на них построены сосательный и хватательный рефлекс. Есть и интерорецептивные (внутренние) ощущения: чувство голода, боли, жажды — они обеспечивают инстинкт самосохранения. Далее мы будем обсуждать в основном только приходящие онтогенезу человека биологические и социальные составляющие его развития.

На базе ощущений формируется первичное мировосприятие. Маленький ребенок пробует увиденный предмет на вкус, на прочность и т. п., составляет целостный образ предмета и вписывает этот образ в свое целостное восприятие окружающей действи-

тельности. На третьем уровне происходит первичное, первосигнальное миропонимание окружающей действительности. Ребенок формирует первичную чувственную классификацию предметов окружающего мира. По Павлову, работает ориентировочный рефлекс (рефлекс «Что такое?»). Ребенок определяет, какие предметы являются полезными, а какие — нет, у него формируются первичные категории понимания (нужный — ненужный, съедобный — несъедобный), он формирует свое отношение к окружающему миру.

Переход ко второй сигнальной системе происходит параллельно с развитием ребенка и закрепляется в виде условных рефлексов второго, третьего и более высоких порядков, вплоть до полной абстракции от окружающей действительности. Но сам механизм формирования целостного сознания человека, в котором первая и вторая сигнальные системы обеспечиваются идентичными физиологическими процессами и сливаются воедино, трудно представить без помощи естественнонаучного знания. Для анализа данного механизма, механизма формирования «единой сигнальной надсистемы» человека, которая имеет соответствующую социальную и биологическую детерминацию, нужна формально-логическая структура, отвечающая всем четырем методологическим принципам естествознания.

В качестве такой модели можно принять схему, представленную в таблице «Идентичность первой и второй сигнальных систем (по Павлову)» (см. табл. 1). В нижней строке представлен переход от первой сигнальной системы ко второй. Сначала родители, потом друзья и соседи, позже учителя, книги и фильмы дают ребенку словесное (символьное) описание предметов, явлений и отношений к ним. То есть происходит описание окружающей действительности, чувств, переживаний на языке конкретного сообщества, конкретного этноса (греч. *ethnos* — «мы, племя, народ»)¹. Это не только суперэтнос, такой как нация, но и субэтносы — сословия, имеющие свой собственный, специфический язык, свою диалектику². Это и землячество, и профессиональный цех, и клуб интересов, и даже семья с ее особенностями восприятия мира.

¹ Истрин В. А., Возникновение и развитие письма. М., 1963; Соболевский С. И. Древнегреческий язык. М., 1948.

² Диалектика (от греч. *dia* — соединительная приставка, *lexis* — слово, таким образом, в русском языке синоним диалектики — «сословие») — совокупность слов, понятий, формирующих конкретное представление об окружающей действительности, описывающих окружающую действительность, мирописание. В истории философии диалектика трактовалась как понятийная, базальная составляющая конкретной теории, концепции, иногда — как состоятельность, искусство спора. Позже выдвигались различные толкования диалектики: как учения о вечном становлении и изменчивости бытия (Гераклит); как искусства диалога, достижения истины путем противоборства мнений (Сократ); как метода расчленения и связывания понятий с целью постижения сверхчувственной (идеальной) сущности вещей (Платон); как учения о совпадении (единстве) противоположностей (Николай Кузанский, Дж. Бруно); как способа разрушения иллюзий человеческого разума, который, стремясь к цельному и абсолютному знанию, неминуемо запутывается в противоречиях (И. Кант); как всеобщего метода постижения про-

Таблица 1

Идентичность первой и второй сигнальных систем (по Павлову)

ПЕРВАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА (есть у всех животных, включая человека)	ВТОРАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА (есть у человека, у животных — в зачаточном состоянии, на уровне условных рефлексов)
Первичное мироощущение (видит цвет, форму, слышит звук, чувствует вкус, тепло и холод предметов)	Вторичное мироощущение (окружающие предметы, явления, отношения получают социально детерминированную, сословную окраску)
Первичное мировосприятие (пробует увиденный предмет на вкус, на прочность и т. п., составляет целостный образ предмета и вписывает его в свое восприятие окружающей действительности)	Вторичное мировосприятие (формирует социально детерминированное, сословное восприятие окружающего мира)
Первичное миропонимание (определяет: съедобный, горький и т. д. [формируется первичная категория понимания «нужный — не нужный»] и т. п.), формирует свое отношение к окружающему миру)	Вторичное миропонимание (объясняет: хорошо или плохо, красиво — некрасиво, истинно — ложно)
Символьное (словесное) описание предметов, явлений, отношений. Обозначение символами, принятыми в конкретном сообществе, этносе (звук, знак)	

Собственно становление «второй сигнальной системы» человека показано во втором столбце. Сначала формируется вторичное миропонимание (ребенку объясняют, что хорошо, а что плохо, красиво — некрасиво, истинно — ложно). Ребенок уже знает различные оценочные категории, но их еще не воспринимает, не воспринимает до первого чувственного подкрепления. И только на базе чувственного подкрепления, которое может носить непосредственный характер, у ребенка формируется вторичное, сословное, социально детерминированное восприятие окружающего мира. (Ребенку говорят: «это невкусно» — один раз, второй, тре-

тиворечий (внутренних импульсов) развития бытия, духа и истории (Г. В. Ф. Гегель); как учения и метода, выдвигаемых в качестве основы познания действительности и ее революционного преобразования (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин). В широком, этимологически адекватном смысле к диалектике относятся самые разнообразные системы миропонимания: это и различные религии, национальные и этнические миропонимания, в том числе различные современные политические и философские течения: неогегельянство, экзистенциализм и т. п. [Для этимологического сравнения: в русском языке широко представлена древнегреческая соединительная приставка «диа»: «диа-лектика», «диа-гноз», «диа-спора», «диа-грамма». См.: Белецкий А. А. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев, 1950; БЭС. СПб, 2000; БСЭ 3-е изд. Т. 7.]

тий и показывают различные предметы, он пробует первый раз, второй, третий, и наконец на энный раз он уже доверяет оценке имярека. Данный имярек, а позже и другие люди, чьим оценкам доверяет ребенок, могут формировать у него вторичное мировосприятие на базе уже сформированных условных рефлексов.) И уже на базе сформированного восприятия возникает вторичное мироощущение. Окружающие предметы, явления, отношения получают социально детерминированную, сословную окраску. Человек уже отражает мир не как совокупность непосредственных ощущений или чистых описаний, а целостно. На бытовом уровне, на уровне наивного реализма он не разделяет, какие из ощущений имеют биологическую, а какие — социальную окраску. Человек, который сел к нам за стол и стал есть макароны руками, вызовет у нас брезгливость, неприятное ощущение, которое может повлиять на наш аппетит. Если подойти к человеку и сказать ему: «Вы негодаи!» — у него произойдет выброс адреналина. Но если этот человек не знает русского языка, то подобной реакции не произойдет. Для адекватной последующей коммуникации определим это целостное мироощущение как «единую сигнальную надсистему».

Итак, мы сделали первый шаг в создании теоретической базы «гражданской психологии». Мы понимаем, что сознание человека не следует разделять на биологическую и социальную составляющие, а следовательно, рассуждения типа «чего в человеке больше: социального или биологического?», принятые в гуманитарных науках, теряют всякий смысл. В нем больше того, что в нем заложено. И мы можем избегать пустых дискуссий, построенных на терминологических изысках.

Рассмотрим модель, которая позволит нам дифференцировать уровни социализации конкретного человека через призму языка, т. е. через характер его ментально-логического мышления.

Если у конкретного человека в его интересах и языке, имеющем явную эмоциональную окраску, присутствуют в основном биологические цели жизнедеятельности (самосохранение, продление рода, сохранение вида), пусть даже облеченные в самую что ни на есть художественную, поэтическую форму, мы можем говорить, что он подобен растению. У растения уже присутствуют все эти цели, и они проявляются в конституциональной, внутривидовой и межвидовой борьбе (Ч. Дарвин¹, Э. Геккель²).

¹ Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных. Собр. соч. Т. 6, М.; Л., 1935—1959.

² Геккель Э. Происхождение человека. П., 1919.

Если в его интересах и в языке эмоционально доминируют соревновательные, состязательные моменты (стремление к лидерству в семье, в цехе, в клубе или стремление к более высокому ранговому месту в сообществе, к фронтальному или иерархическому лидерству), то мы можем говорить о его эмоциональной близости к стадным животным, опять же, в какую бы прекрасную словесную форму (во имя добра, во имя справедливости, во имя истины и т. п.) они ни облакались.

И только на собственно человеческом уровне ментально-логического мышления, поднимающемся над чисто биологическими и социально-биологическими потребностями, мы можем говорить о *Homo Sapiens* (о Человеке Разумном). Речь идет о высших целях человечества, имеющих древнейшую историю: о смысле жизни, об идее благополучия человека и разумного упорядочения его жизни как на планете, так и в обществе себе подобных. В языке у таких людей эмоционально детерминированы те смыслы, которые в первую очередь отражают сущностные категории познания истинности, красоты, добра и справедливости.

У Человека Разумного нет однозначных, непререкаемых, эмоционально ярко окрашенных, доходящих до фанатизма суждений и утверждений в любой обсуждаемой области знания. Нет у него и формальных, эмоционально неокрашенных суждений, которые встречаются у «людей-растений» и у «людей-животных».

У последних применение тех или иных суждений обусловлено наличием знаний, а не пониманием сущности глубинных явлений и процессов. Они могут, например, утверждать, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Подобное мироощущение создается формальным воспитанием (против которого категорически выступал П. Ф. Каптерев¹). То есть когда воспитатель преподает предмет на абстрактном уровне, без связи с чувственными образами, в сформированной второй сигнальной системе отсутствует физиологическая, чувственная база. У этих людей их «единая сигнальная надсистема» носит в себе реальную чувственную поддержку только через их собственную призму биологических и социально-биологических потребностей.

Уровни ментально-логического мышления можно представить в виде пирамиды (см. рис. 1), в основании которой заложены биологические цели жизнедеятельности, на второй ступени — социально-биологические. И только верх пирамиды составляют чисто социальные устремления к истине, к красоте, к добру и справедливости.

¹ Каптерев П. Ф. Педагогическая психология. СПб., 1887.

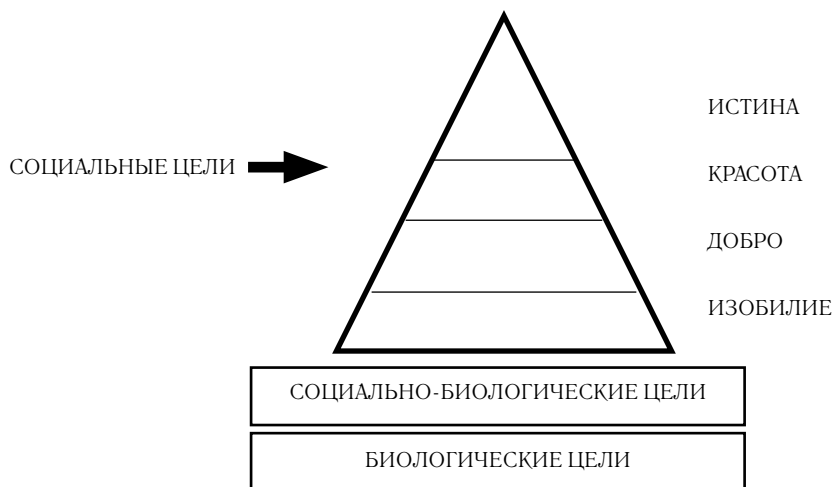

Рисунок 1

Человека как гражданина, да и в любой другой его психологической ипостаси, нельзя рассматривать в статике. Психология — наука о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности. Следовательно, справедливо для психологии, а в нашем случае — для «гражданской психологии» рассматривать человека, точнее, его психику как целеустремленную систему², как систему целей жизнедеятельности человека.

Инстинктивно преследуя достижение биологических целей жизнедеятельности, человек заботится о самосохранении, поддерживая свое существование пищей, одеждой, обустройством жилища, сном, отдыхом и т. д. Социально-биологические цели жизнедеятельности — более высокий уровень развития человека. Они предполагают достижение лидерства в группе, фронтального лидерства (в толпе). И наконец, самая высокая из этих целей — лидерство в иерархии, требующее проявления немалой воли и энергии. К наивысшим целям жизнедеятельности человека — социальным — принято относить четыре категории, формирующиеся исключительно в общественной жизни: истина, красота, добро и изобилие (справедливость). Только осознание этих четырех категорий по-настоящему делает человека гражданином или государственным деятелем. Данный теоретический подход отвечает методологическим требованиям естествознания и довольно точно обосновывает смысл существования государства.

² Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М., 1974.

Как центральный общественный институт, высшая форма самоорганизации общества государство призвано поддерживать жизнедеятельность своих граждан, создавая свою систему этических ценностей, основанных на истине, красоте, добре и изобилии в том понимании, которое свойственно обществу на известном этапе его развития. И государство, в конечном счете, зависит от общества гораздо больше, чем общество от государства.

Разумный правитель, ориентируясь на обычаи и традиции этноса (сообщества), на общепринятые представления и мнения, на тенденции общественного развития, создает юридическую, социальную и экономическую нормативную базу, понятную для всех граждан, так, как она отражена в их мироощущениях. В идеальном случае желания и потребности всех граждан должны совпадать с нормативной базой государства.

В действительности же мироощущение отдельных граждан, сформированное в условиях различных субэтносов (сословий, национальностей, религий, партий и т. п.), и общегосударственные нормы весьма противоречивы. Эти противоречия заложены в самом понятии «этнос». «Мы» и «Не мы» — эти две категории, определяющие психологическую сущность этноса, возникают только на различиях, а зачастую и на противопоставлениях. Если «наше» понимание истины как веры в непреложность научных или догматических воззрений, «наше» ощущение красоты как чувство формы (ритуалы, оформление внешности, манеры поведения, одежда, архитектура и т. п.), «наше» восприятие добра и ощущение изобилия ничем не отличаются от «не нашего» мироощущения, то этнос как таковой не может возникнуть. Мы должны чем-то отличаться от других. История знает много примеров возникновения этносов (государств, религий, партийных и клановых идеологий) не только на отличиях, но и на явном противопоставлении категорий добра и зла, красивого и некрасивого, истинного и ложного, изобилия и нищеты. Суть формирования этноса можно представить в виде схемы (см. рис. 2), которая удовлетворяет принципам применимости (разрешимости), т. е. позволяет проводить анализ любого конкретного этноса, и коммуникативности, т. е. предоставляет однозначное определение рассматриваемых категорий. С точки зрения методологических принципов объективности и контролируемости становится очевидной возможность разработки методологической основы таксономии понятий не только этноса, но и государства, а следовательно, и научно обоснованной таксономии целей жизнедеятельности гражданина, таксономии «гражданской психологии».

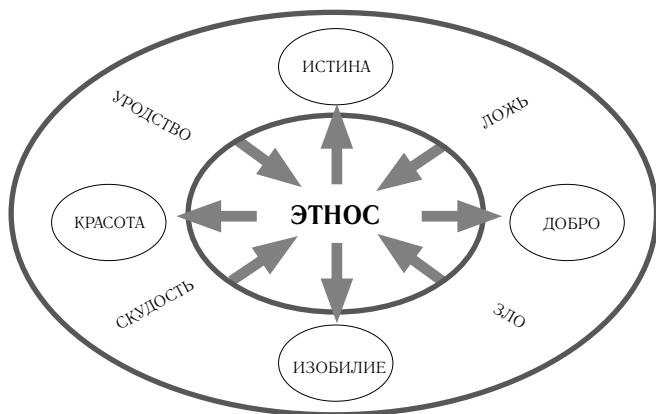

Рисунок 2

Подводя итог столь пространному изложению соображений по поводу становления новой научной дисциплины — «гражданской психологии», хотелось бы подчеркнуть, что в данной статье предпринята попытка возродить в психологии естественнонаучную методологию. Она может позволить вывести психологию из области искусства оперирования знаниями, умениями и навыками при манипулировании как отдельными людьми, так и целыми сообществами и государствами, на строгий научный уровень.

Тогда каждый гражданин сможет отличать ложь от правды, тогда ни Гражданский кодекс, ни закон, ни указ, ни постановление, ни какое-либо распоряжение, регулирующие отношения граждан между собой и гражданина с государством, не будут иметь субъективный, манипуляционный характер, а приобретут ясность. Законодатель не будет создавать хитроумные нормы, он не сможет отдавать на субъективный суд рядовому исполнителю, малому или большому чиновнику и даже федеральному судье решение судеб других граждан и целых сообществ. Сегодня даже в «святая святых» любого государства — в Уголовном кодексе («не убий», «не укради») отсутствует элементарная объективность. Отсутствие объективности не позволяет отдельному человеку, субъекту исполнения закона, даже если он и «сама святость», выносить объективные решения. На откуп его субъективным мироощущениям законодатель отдает судьбы других людей, и он волен принимать решение не только в категориях «виновен или не виновен», но и в вынесении меры наказания. За убийство судья может вынести приговор с лишением свободы на шесть лет, а может дать и пожизненное заключение, за простую кражу может просто пожуричь, а может и лишить свободы на три года. Во Франции же еще со времен Наполеона отказались от доверия субъективному мнению

судьи. Он устанавливает только факт виновности, а меру наказания определяет законодатель¹.

Конечно же, большое число чиновников, юристов и просто рядовых исполнителей лишатся обильной «кормушки». Возникнет большое число оппонентов — противников разрешимости, коммуникативности, объективности и контролируемости гражданских положений. Но история знает прекрасный пример, когда огромное число алхимиков лишилось заказов на изыскание способов превращать простые металлы в драгоценные, на поиски эликсира долголетия и т. п., однако человечество от этого только выиграло. После появления в химии четкой таксономии в виде периодической системы элементов Менделеева новое поколение химиков пошло семимильными шагами и в кратчайшие исторические сроки подарило человечеству немислимые даже в самых смелых фантазиях материалы, химия научилась быть полезной человеку практически во всех спектрах его жизнедеятельности.

Хочется надеяться, что и «гражданская психология», являясь отраслью политической психологии, встав на естественнонаучную методологическую базу, сможет принести существенную пользу не только политикам и отдельным гражданам, но и государству в целом.

¹ Новый Уголовный кодекс Франции. М., 1993.